

УДК 316.334.56

Григоричев К. В.

Двойник-невидимка российского города: "частный сектор" между слободой и внутренним пригородом

"Постсоциалистическая пригородная революция", фиксируемая исследователями как один из ключевых трендов городского развития постсоветских стран в последние десятилетия [35], все более отчетливо фиксируется исследователями и в России. Как показала дискуссия 2017–2019 гг. [2; 3; 4] процесс формирования субурбий фиксируется практически во всех региональных столицах России, а субурбанизм все более широко распространяется как альтернатива городскому и сельскому образу жизни. Можно с уверенностью констатировать, что пригородный вектор развития городов России становится одной из наиболее значимых тенденций пространственного и социального развития регионов, по крайней мере, в Сибири и на Дальнем Востоке [20]. Судить о специфике этого процесса в европейской части страны пока сложно в силу ограниченности исследований пригородов за пределами столичных агломераций. Отдельные исследования показывают, что специфика системы расселения, структуры экономического и социального пространства может здесь формировать иные тренды в росте субурбий [15].

Вместе с тем "пригородная революция" в российских условиях протекает заметно менее динамично, чем это описывается на материалах восточной и центральной Европы. Несмотря на то, что именно пригороды крупных городов остаются единственными точками сохранения и даже роста населения [11; 19], говорить о радикальном изменении роли пригородов в системе расселения в России пока сложно. Это отражается и в относительно невысоких темпах роста миграции за административную черту городов, и в сохранении в качестве базовой модели использования загородного жилья как второго и/или сезонного, и в преобладании городского "элитного" жилья в качестве признака высокого социального статуса. Пригородные поселения зачастую остаются зоной расселения мигрантов из сельской местности как эффект незавершенной советской урбанизации [1], зоной вынужденного расселения горожан, вытесненных из престижных городских районов в результате реконструкций либо экономической неустойчивости [13]. Проживание на периферии крупного города нередко становится не признаком высокого социального статуса, а напротив, территориальной стигмой [14], формирующей образ субурбии как социально неблагополучных окраин. Примеры массового движения горожан в пригород [9] как осознанного выбора пригородного образа жизни остаются, скорее, вариантами возможного будущего, но не доминирующей российской тенденцией.

Закономерным образом это приводит к вопросу о причинах специфики невысоких темпов роста субурбий региональных столиц России. Едва ли не единственным вариантом ответа на этот вопрос, подкрепленным достаточно широким спектром исследований, до сегодняшнего дня остается идея замещения полноценной субурбанизаций советским феноменом дач, который довольно часто описывается как "сезонная" [18] или "квази субурбанизация" [8].

© Григоричев К. В., 2020

ГРИГОРИЧЕВ Константин Вадимович, д-р социол. наук, проректор по научной работе и международной деятельности Иркутского государственного университета (г. Иркутск), профессор Томского национального исследовательского университета (г. Томск). **E-mail:** grigorichev@yandex.ru

Признавая существенное влияние дач на выбор между урбанизмом и сурбанизмом как стилями жизни, все же необходимо отметить довольно быстрое изменение функционала советских дач, ставшее особенно заметным в 2000–2010-е гг. [10]. В этом процессе важны не столько его масштабы – большой вопрос, можно ли говорить о повсеместной трансформации дач как формы рекреации и жизнеобеспечения в пригородный образ жизни, – сколько сам факт быстрого расширения функций дачи и связанного с ними репертуара практик. Он демонстрирует наличие спроса на альтернативу урбанизму и сельскому образу жизни, поиск вариантов иного уклада жизни, позволяющих выйти за пределы дихотомии города и села и предписываемого ими образа жизни.

Одна из ключевых причин ситуации, в которой очевидный запрос на негородской образ жизни в высоко урбанизированном обществе не сопровождается ростом субурбий, на мой взгляд, лежит в специфике пространственной, архитектурной и социальной организации российского города. Ускоренная советская урбанизация 1930–1950-х гг. сформировала значительную специфику развития советского города, одним из проявлений которой стал так называемый "частный сектор" – районы малоэтажной усадебной застройки, складывавшиеся на основе стихийной застройки переселенцев из села, где воспроизводились сельские практики организации сообществ и повседневности. Воплощающий в себе явление, обозначенное В.Л. Глазычевым как "слободизация городов" [7], этот социопространственный феномен сохраняется в большинстве российских городов за пределами столичных мегаполисов. Даже в крупнейших городах-миллионниках Сибири (Омск, Красноярск, Новосибирск) "частный сектор" занимает обширные массивы, не только заполняющие пустоты между кварталами многоэтажной застройки, но и формирующие целые районы со специфичной "не городской" организацией пространства и сообществ, накладывающие серьезный отпечаток на характер как пространственного, так и социального развития города [26]. В менее крупных городах-региональных столицах, "частный сектор" нередко составляет большую часть застроенной территории, а проживающее здесь население – значимую часть городских сообществ.

Однако, несмотря на значимость для российских городов, данный феномен остается вне поля зрения исследователей, и даже сам факт трансформации социального, символического и физического пространства "частного сектора" российских городов практически не рефлексирован в академических текстах. Фактически "частный сектор" сформировал своего рода двойник-невидимку ("параллельный город трущоб" [31]), закономерно возникший в процессе стремительной урбанизации, но не включенный в образ "нормального" города и в языки его описания. Тесная связь городского пространства и языков его описания [5] обуславливает невидимость "частного сектора" как части значимой города, вытесняя его в позицию "препятствия" и "ресурса".

Соответственно, вопрос о трансформации "частного сектора" как специфического сегмента городского пространства постсоветского города, трендов эволюции проживающих здесь сообществ пока не поставлен, не смотря на широкий спектр фундаментальных работ, связанных с осмыслением постсоветских городов как пограничных пространств, где протекают ускоренные и радикальные трансформации. Процессы, происходящие в "частном секторе", остаются фактически не описанными и не включенными ни в перспективные идеи города как фронта, ни в устоявшиеся идеи "права на город" и "оспариваемых пространств" как одного из ключевых механизмов переопределения городских пространственных и социальных ландшафтов. Немногочисленные работы, связанные с изменениями социального и этнического состава жителей "частного сектора", чаще погружены в логику урбанизационной миграции [12; 16] и в целом сохраняют взгляд на этот феномен как на "побочный" эффект урбанизации. Вопрос о специфике сообществ, сложившихся в "частном секторе", трансформации их образа жизни в постсоветские десятилетия, практически не ставится.

Задачей моего текста является формулировка гипотезы о характере изменений обширных пространств, которые остаются не наблюдаемыми, и не описываемыми для постсоветского города. Я постараюсь показать, что трансформация "частного сектора" в российских условиях может рассматривать-

ся как альтернатива классической субурбанизации за пределами городской черты, а формирование на основе городской усадебной застройки внутренних пригородов – как один из механизмов трансформации постсоветского города. В фокусе моего анализа – крупные провинциальные города востока России, выполняющие функции региональных столиц. Статья основана на наблюдениях (в том числе включенных), выполненных в 2007–2019 гг. в Иркутске, Омске, Хабаровске. В Иркутске наблюдения носили лонгитюдный характер и строились на основе нескольких локальностей, изменения в которых фиксировались на протяжении более 10 лет. В Омске (2016) и Хабаровске (2017, 2018) наблюдения выполнялись экспедиционным методом. Анализ отношений в локальных сообществах строится на основе серии интервью с жителями "частного сектора" в Иркутске. Интервью носили преимущественно биографический характер, что позволяет наиболее полно выявлять как репертуар практик повседневности, так и систему практик пользования городов и построения соседских отношений.

"Частный сектор" – побочный эффект советской урбанизации

Усадебная застройка как возможный вариант развития российского города рассматривался еще в 1910–1920-х гг. На рубеже этих десятилетий выделялись 4 типа "русского рабочего" – потребителя индивидуальной застройки: "1) рабочий бесхозяйственный (чистый пролетарий); 2) квалифицированный рабочий, имеющий маленькое хозяйство (огород, садик, козу, птичник, кроликов и т.п.); 3) то же в более обширных размерах (например, вместо козы – корова и т.п.) и 4) рабочий-крестьянин" [23]. Однако, как показывает М.Г. Меерович, уже к началу 1930-х гг. идея индивидуального дома сохраняется только в качестве жилья привилегированных групп ("для начальства") [19, с. 245]. Доминирующим решением для основной части городского населения, прежде всего в растущих промышленных городах, должны были стать коммунальные квартиры и общежития, значительная часть которых представляли собой бараки.

Для восточных регионов России резкий рост темпов урбанизации оказался связан с эвакуацией промышленных производств и, как следствие, массовым притоком населения в города. Продолжая дореволюционные традиции, новые горожане расселились в исторических и новых "слободах" вокруг растущих промышленных предприятий, используя приемы сельской архитектуры и организации усадебного пространства. И здесь парадоксальным образом урбанизация, выступающая одним из важнейших механизмов модернизации, обусловила воспроизводства в номинально городских условиях не городских пространств. Парадокс, определенный А.Г. Вишневым [6] как "консервативная модернизация", обусловил формирование в советском городе обширных "не-городских" пространств, в которых воспроизводились сельский визуальный ландшафт и практики повседневности.

Быстро разросшийся в середине прошлого столетия "частный сектор" составляет значительную часть территории российских городов и по сегодняшний день. В Концепции пространственного развития г. Иркутска, принятой в 2016 г., констатируется: "В границах города большая часть селитебных территорий занята некапитальной низкоплотной жилой застройкой". Анализ общедоступных картографических материалов по Иркутску (например, спутниковых снимков сервисов GoogleMaps, Яндекс Карты) показывает, что площадь "частного сектора" здесь составляет не менее половины территории города. Основная часть этих локальностей, как и 40–50 лет назад, не имеет подключение к центральным инженерным сетям отопления, водоснабжения и водоотведения.

Неблагоустроенное жилье с преобладанием типа деревенского дома (нередко перенесенных из деревень) остается важнейшим визуальным и символическим признаком "частного сектора". Это определяет чрезвычайно широкий репертуар практик повседневности, которые, в свою очередь, детерминировали не городской образ жизни. Отсутствие центрального отопления обуславливает организацию пространства жилья, где одно из центральных мест занимает кирпичная печь с водяным отоплением, и преобладание одноэтажных жилых помещений. Этим прочно определялся годовой цикл практик по подготовке к отопительному сезону: привоз, пилюка и колка дров, покупка

угля. Еще более жестко детерминировался суточный ритм жизни в течение отопительного сезона: ежедневная чистка и растопка печи, вынос золы и шлака.

Отсутствие центрального водоснабжения породило устойчивый комплекс практик обеспечения питьевой и "технической" водой. Регулярная доставка питьевой воды от водоразборных колонок требовала наличие специальных приспособлений для перевозки (40-литровых "фляг") и, как правило, являлось обязанностью детей и подростков. С наступлением устойчивых положительных температур на территории усадьбы монтировался "летний водопровод" для полива и хозяйственных нужд, который осенью разбирался.

Не благоустроенность жилья определяла пространственную организацию "городской" усадьбы и ее функции. Обязательным ее элементом являлись постройки для хранения угля и дров, хозяйственного инвентаря, холодная уборная и баня. Последняя выполняла, прежде всего, сугубо утилитарную роль, что отражалось в относительно небольших размерах, в которых основную часть занимала парная. Как и в типично сельской местности, значительную часть придомовой территории занимал огород, выполнявший роль важнейшего механизма обеспечения семьи. Не повсеместными, но широко распространенными были практики разведения птицы и мелкого, а иногда и крупного рогатого скота, что еще в большей степени превращал усадьбу "частного сектора" в сельскую.

Характер жилого пространства определял "не городской" бюджет вне рабочего времени и занятости. Дом и усадьба в "частном секторе" занимали все время, не связанное с официальной занятостью, жестко определяли годовые и суточные циклы практик повседневности и тем самым де-факто исключали своих обитателей из города. Фактически городскими здесь оставались только практики во фреймах, связанных с работой, и реже – с рекреацией: участие в массовых советских праздниках, предполагавших взаимодействия с общественными пространствами, как правило, в центре города. Отголосок последних до сих пор можно обнаружить в устойчивых лексемах ("поехать в город"), быгующих в отдельных микрорайонах, изолированность которых в известной мере стала продолжением изоляции "не-городского" от "городского" в "частном секторе".

Важным элементом такой изоляции являлся низкий уровень телефонизации "частного сектора", который определял преобладание соседских коммуникационных практик, генерализировал информационный обмен в рамках соседского сообщества, укрепляя дистанцию между "частным сектором" и городом. Если национальные и международные новости "сообщал" телевизор, то местную повестку формировала прямая коммуникация в локальном сообществе. Именно здесь, как и в сельских сообществах, формировалась система отношений и иерархий, нередко далеко выходящая за пределы формальных статусов.

Иными словами, в пространстве "частного сектора" была воспроизведена совершенно не городская система организации пространства и сообществ. Пространственное перемещение из сельской местности не привело к социальному "переезду" в город выходцев из села. Номинально проживая в черте города, обитатели "частного сектора" оставались в состоянии "ожидания переезда". Это хорошо прослеживается в ретроспекциях респондентов, в которых одним из важнейших элементов прошлого является "мечта о квартире". Получение или, позднее, покупка благоустроенного жилья рассматривались как возможность стать полноценным горожанином. Пожалуй, именно этот момент ярче всего подчеркивает маргинальность и временность статуса жителя "частного сектора", вынужденность и временность его образа жизни.

Возникший и допускаявшийся в советском городе в качестве временно-го, переходного пространства, "частный сектор" рассматривался в градостроительном планировании как своего рода резерв территории под перспективную многоэтажную застройку. Контекстуально предполагалось, что будущие многоэтажные микрорайоны не только ликвидирует основную часть усадебной застройки, но станут механизмом абсорбции выходцев из села, включением их в урбанистический образ жизни. Иными словами, "частный сектор" оказался растянутой во времени миграцией, в которой рецепция урбанизма

как результат пространственного перемещения была "отложена" на два-три поколения.

Тем не менее образ "частного сектора" как временного, переходного, а потому маргинального городского пространства продолжает доминировать в системе градостроительного планирования, городского управления и массовых стереотипах. Открытым, однако, остается вопрос о направлении эволюции подобных локальностей и их сообществ. Является ли их включение в урбанистическую модель безальтернативным вектором развития "частного сектора"? Предложила ли постсоветская трансформация российского города альтернативные модели его развития, погрузив подобные "не городские" локальности в состояние темпорального фронта [24], имеющего множество возможных вариантов будущего и легитимизирующего его прошлое?

Новый "частный сектор": трансформация архитектурного ландшафта и практик повседневности

Кризис девяностых, казалось, упрочил стабильность "временного" состояния "частного сектора": в условиях резкого падения уровня жизни приусадебные хозяйства становятся не просто дополнительным, а весьма значимым инструментом выживания. Однако с середины нулевых начинается быстрое изменение визуального ландшафта городской усадебной застройки: в типичной сельской архитектуре и организации пространства усадьбы появляются новые решения, которые лишь фрагментарно воспроизводили архитектуру "коттеджей", ставших важнейшим элементом статусного потребления в первое постсоветское десятилетие. [25] Функциональность здесь сочетается с удовлетворением запроса на более просторное и качественное жилье, а также новую эстетику, нередко обозначаемую респондентами в качестве "не совковой", "не колхозной". Ее символами становятся новые материалы (металлочерепица вместо шифера, сайдинг вместо досок, брус вместо бревен, пенобетон вместо шлакоблоков и т.д.). Жилой второй этаж (капитальный или мансардный) становится не единичным, а типовым явлением. Все это приводит к использованию капитальных фундаментов, часто вместе с цокольным этажом. "Некапитальная" застройка, как до сегодняшнего дня обозначается "частный сектор в официальных документах, становится все более капитальной.

Одновременно происходит и стихийное уплотнение усадебной застройки. Одной из объективных причин стал рост размеров жилых зданий за счет сокращения размеров усадьбы. Если до конца девяностых, по интервью, "нормальным" (подразумевается – достаточным, даже большим) для семьи считался дом 8 на 10 метров с жилой площадью около 60–65 квадратных метров, то вновь возводимые здания, как правило, имеют размеры не менее 10 на 12 метров с жилой площадью каждого этажа до 100 квадратных метров. Несмотря на растущую этажность, частный сектор растет, преимущественно, по горизонтальному вектору. Другим вариантом уплотнения застройки становится раздел усадьбы для строительства второго дома. Причиной может быть решение жилищного вопроса молодой семьи или простая продажа части "участка". Во всех вариантах площадь придомовой территории резко сокращается, а жилые дома занимают основную часть усадьбы. Наконец, третьим вариантом становится застройка окраин частного сектора, ранее занятая пустырями, иногда свалками и даже заболоченными низинами. Необходимость подготовки таких участков под строительство (завоз грунта для отсыпки, организация дренажа) обуславливает их небольшие размеры и минимальную придомовую территорию.

Изменение архитектурного ландшафта "частного сектора" происходит в тесной связи с организацией повседневности таких локальностей. Как показал на примере советского конструктивизма А. Лефевр, городской ландшафт во многом является производным от социальных отношений, определяется их логикой и динамикой. [32, с. 59] Однако вполне верна и обратная зависимость: радикальные изменения организации жилого пространства, вызванные к жизни новыми отношениями и потребностями, в свою очередь продуцируют новые поведенческие паттерны, из которых формируется новая повседневность, изменяющая отношения и структуры сообществ. Внедрение элементов локального благоустройства жилья (электро- и газового отопления, локального водоснабжения и водоотведения) быстро сократило репертуар ти-

пично сельских практик обеспечения быта, что привело к изменению и жилого пространства и структуры внерабочего времени.

Пожалуй, наиболее революционными и быстро распространяющимися стало внедрение полностью или частично автоматизированных систем отопления. Появление доступных газовых (для газифицированных городов) и электроотопительных котлов не только снизило расходы (особенно с учетом достаточно широко распространенных практик временных нелегальных подключений к электросетям для отопления), но и позволило по-новому организовать жилое пространство. Вместо больших кирпичных печей, как правило, занимавших центральное положение в доме, компактные отопительные приборы выносятся в небольшие хозяйственные помещения или в подвал, что позволяет использовать пространство дома исключительно как "чистое". Более высокая производительность таких систем в сочетании с использованием циркуляционных насосов позволили повысить этажность жилых домов и/или обеспечить круглогодичное использование мансардных этажей.

Более того, возможность внедрения автономных и во многом автоматизированных систем (прежде всего, отопления) значительно снизило степень "привязанности" к домашнему хозяйству. Традиционная организация быта требовала обязательного ежедневного присутствия хозяев для "протопки" раз в сутки, что делалось, как правило, вечером по завершению рабочего дня (а в зимнее время – дважды в сутки), что исключало возможность свободного использования нерабочего времени по будням и тем более длительного отъезда. В условиях сибирского климата житель частного сектора оказывался "прикреплен" к собственному жилью с конца сентября до конца апреля. Едва ли не единственным вариантом решения проблемы такой зависимости являлся договор с соседями о присмотре за домом и ежедневной топке печи. Очевидно, что такая услуга могла оказываться только людьми, связанными с хозяевами близкими отношениями, и фактически становилась инструментом воспроизводства реципрокности в рамках локального сообщества. Технологии автоматического поддержания температуры в жилье в значительной мере обеспечили жителю частного сектора не только возможность распоряжаться собственным внерабочим временем, но и "право на одиночество" – неотъемлемое для современного урбанизма как образа жизни [17].

Локальное водоснабжение и канализация обусловили возможность появления в индивидуальном жилье таких ключевых признаков урбанизма, как ванная/душевая и туалет. Значение последнего трудно переоценить, поскольку наличие благоустроенной уборной до сегодня остается едва ли не ключевым признаком определения "городского" жилья [21, с. 7]. Фактически именно эти изменения жилого пространства позволили многим жителям частного сектора "переехать в город", не меняя места жительства. При этом полное благоустройство жилья произошло при сохранении значительной автономности от городской инженерной инфраструктуры.

Изменение архитектуры частного сектора и уплотнение его застройки неизбежно привели к исчезновению или как минимум резкому сокращению площади огородов как элемента жизнеобеспечения. Имеющиеся наблюдения, позволяют более или менее уверенно предполагать сходство этого процесса с изменением роли дачи в жизни российского горожанина. Приусадебное хозяйство и его продукция в тех случаях, когда на усадьбе сохраняется огород, остается лишь вариантом рекреации и получения (скорее, почти ритуально-го) небольшого объема "экологически чистых" овощей и зелени. Практически полностью исчезли домашние животные и птица, которые еще в конце нулевых были вполне обыденными явлениями в частном секторе или, по крайней мере, в его частях на окраинах города.

Изменение функций усадебной территории все более отчетливо проявляется в новых элементах ее планировки. По наблюдениям 2015–2018 гг. в Иркутске, 2016 г. в Омске, здесь все чаще встречаются элементы ландшафтного дизайна и/или газоны, практически неотъемлемым элементом становятся "мангальная зона". Семьи с маленькими детьми нередко обустраивают детские площадки и "песочницы" во дворе собственного дома. Наконец, сохраняющиеся на усадьбе бани утрачивают сугубо функциональное назначение и становятся местом и способом рекреации.

Распространение новых технологий связи, прежде всего мобильной, позволила в значительной мере преодолеть информационную изолированность частного сектора. Тем не менее высокая стоимость организации широкополосного интернета для индивидуальных домов обуславливает доминирование здесь мобильного интернета. Чем менее крупным является город, тем, вероятно, более высокой остается изолированность частного сектора от web-сферы и онлайн-сервисов. Однако, вероятно, эта изоляция является наиболее динамично преодолеваемой.

Происходящие изменения все более приближают типичную усадьбу "частного сектора" к застройке формирующихся за городской чертой субурбий [9]. Ключевыми ее характеристиками становятся полное благоустройство жилища с высокой степенью автономности и значительная или полная утрата придомовой территории функции обеспечения продуктами питания. Собственно усадьба становится территорией рекреации и резервом для будущих модификаций жилья. Однако территориальное расположение внутри городской черты, позволяет обитателям "частного сектора" заметно более активно пользоваться городскими общественными пространствами и шире – социально-культурной инфраструктурой города. В этой ситуации закономерен вопрос о том, какой же образ жизни предлагает выбрать своим обитателям трансформирующий "частный сектор" – урбанизм и или субурбанизм. Образно выражаясь, куда переезжают жители "частного сектора" в результате его постсоветской эволюции – в город или в пригород?

Частный сектор – внутренний пригород российского города?

В качестве возможного подхода для определения тенденций эволюции "частного сектора" может быть использована матрица сопоставления урбанизма и субурбанизма, предложенная Аланом Улоксом [36]. Ключевым отличием субурбанизма, по его мнению, становится фрагментированность и децентрализация пространственного развития и властной организации пригорода в противоположность согласованности развития города и публичности его власти. Подчеркивается и многофункциональность пространств города, их плюрализм и, как следствие, контактность и социальная связанность в противоположность автономности и более простой социальной организации пригородов. [36, с. 1478–1480].

Имеющиеся наблюдения за развитием "частного сектора" позволяют, на мой взгляд, говорить о децентрализованном и не координированном развитии частного сектора. Изменение визуального ландшафта различных локальностей в массивах усадебной застройки городов происходят крайне не равномерно. Общей чертой в их трансформациях остается горизонтальный вектор развития, сохранение соразмерности человеку, однако формы и темпы такого роста крайне разнятся. В наблюдаемых локальностях частного сектора Иркутска присутствуют как активно перестраиваемые, так и сохраняющие черты "советского села" локальности. Резким контрастом к ним выступают выявленные в Иркутске, Омске, Хабаровске компактные, но хорошо заметные районы коттеджной застройки, развивающиеся по модели gated communities [30] в логике посткоммунистических трансформаций [28]. Выделить какие-либо закономерности в пространственном распределении таких локальностей пока не удается.

Тем не менее неравномерность развития и, вероятно, его разнонаправленность приводят к внутренней дифференциации и постепенной сегрегации некогда однородного пространства, что визуализируется глухими высокими оградами. Механизмом пространственной сегрегации становится и различия визуального ландшафта в пределах частного сектора. Даже без выделения закрытых территорий (gated spaces) происходит постепенное обособление локальностей "хороших домов" – двух-трехэтажных коттеджей большой площади, контекстуально отсылающих к практикам статусного потребления и символизирующих высокий социальный статус [33]. Визуализируя места проживания обеспеченных групп, такие пространства становятся механизмами пространственной сегрегации: отсутствие здесь общественных пространств постепенно исключает присутствие здесь представителей менее обеспеченных жителей. Как следствие, постепенно сжимается спектр возможных для таких локальностей функций, их пространство становится все более однородным и

монофункциональным. Плюрализм, полифункциональность и гибкость города здесь уступают место простоте и жесткому порядку субурбанизма.

Исходная организация пространства "частного сектора" определяет и еще одну черту, ориентирующую его в логику субурбанизма. Формировавшаяся стихийно, усадебная застройка в советском городе не включала в себя общественных пространств. Бюджеты вне рабочего времени, жесткие суточные и сезонные циклы хозяйственных практик в сочетании с советскими традициями взаимодействия в рамках трудового коллектива, просто не создавали такой потребности. Постсоветские новации архитектурного ландшафта здесь практически не затронули этой стороны жизни. Более того, стихийное расширение усадеб и уплотнение застройки, напротив, еще более сократили возможности появления здесь общественных пространств. Едва ли не единственными узлами групповых коммуникаций здесь остаются небольшие магазины, выполняющие, скорее, роль "третьего места" [22], нежели товарного обеспечения.

Важной чертой локальных сообществ частного сектора остается широкое распространение экстра-легальных (а иногда и иллегальных) практик. Связанные преимущественно с решением хозяйственных вопросов, они в значительной мере определяют и систему организации таких сообществ. Несмотря на постепенную индивидуализацию жизни в "частном секторе", респонденты продолжают отмечать достаточно высокую степень связанности членов локального сообщества ("здесь все меня знают", "здесь все друг друга знают", "здесь чужих нет"). Иными словами, свойственная урбанизму атомизация с его "правом на одиночество" [17], парадоксальным образом сочетается здесь с "низким шансом встретить незнакомца", как одним из ключевых признаков субурбанизма [27].

Едва ли не единственной чертой пригородного образа жизни, отсутствующей в меняющемся "частном секторе", является автомобильная зависимость. Если для внешних для города субурбий, высокий уровень автомобилизации является критически важным фактором, то внутригородское положение рассматриваемых городских локальностей обеспечивает доступ для жителей к городской системе общественного транспорта. Безусловно, общий рост количества автомобилей не прошел и мимо "частного сектора". Более того, для ее развития здесь имеются гораздо более благоприятные условия – редкий российский горожанин может похвастать собственным гаражом непосредственно возле дома, что, напротив, абсолютно естественно в условиях усадебной застройки. При этом "частный сектор", с точки зрения доступа к городу, оказывается гораздо более благожелателен к пешеходу, чем внешние субурбии, проживание в которых немислимо без одной и более автомашин в каждой семье.

Таким образом, мне представляется возможным говорить о том, что в трансформирующемся частном секторе заметно преобладают признаки, характерные для субурбанизма как образа жизни. Разумеется, не во всех локальностях этих обширных городских пространств они проявляются одинаково сильно и/или полностью вытесняют черты урбанизма. Разность вариантов развития отдельных сегментов частного сектора порождает и разные практики, репертуар которых может включать варианты сугубо городского *modus operandi*, который, однако, уже не является *modus vivendi*. Такое смешение урбанизма и субурбанизма, как показывает Алан Уолкс, вполне характерно для стиля жизни классической (внешней для города) субурбии, результатом взаимодействия города и пригорода, что является основой лефевровской диалектики [36, с. 1479]. В условиях развития субурбанизма буквально внутри города, взаимопроникновение выделяемых Уолксом свойств двух образов жизни становится, вероятно, неизбежным.

Это позволяет, на мой взгляд, предложить гипотезу о трансформации "частного сектора" из стигматизированного наследия советской урбанизации, слободизировавшего российские города, в специфический вариант субурбии, который с долей условности можно обозначить как внутренний пригород. Безусловно, он не воспроизводит модель внутреннего пригорода, описанного на американском материале [например: 29; 34 и др.], что и невозможно, учитывая специфику исходного пространства. Ключевым его признаком является воспроизводство здесь наиболее существенных черт субурбанизма как базовой модели повседневности. Жители такого внутреннего пригорода воспроизводят практики не горожан в первом поколении ("городских сельчан"), характерных

для "частного сектора" вплоть до девяностых годов прошлого столетия, а горожан в сельской местности ("пригорожане"), которые широко встречаются в новых пригородах изученных городов.

Безусловно, априорно предполагать субурбанизацию как генеральный тренд развития "частного сектора" было бы опрометчиво. Необходим поиск закономерностей в современном развитии этой terra incognita российского города, описание и типизация практик ее новой повседневности. Вероятно, тенденции эволюции "частного сектора" будут отличаться для локальностей, которые в ближайшей перспективе будут застраиваться высотными кварталами, и районов, где многоэтажное строительство не предполагается или невозможно. Не менее важным может оказаться масштаб города как фактор, определяющий направление эволюции районов усадебной застройки, их сообществ и доминирующего здесь образа жизни. Наконец, в этом процессе велико значение path dependency, поскольку история и динамика формирования советских/российских городов заметно различается.

Однако наблюдаемый процесс позволяет, как мне кажется, говорить о том, что "частный сектор" становится одной из перспективных зон распространения субурбанизма в российских городах. Именно здесь реализуется значительная часть запроса на субурбанизм как образ жизни, как один из вариантов ее "не советской" модели. В отличие от случаев США и иных стран классического субурбанизма, российскому горожанину далеко не обязательно выезжать из города, чтобы сменить городской образ жизни на пригородный. Достаточно изменить свое пространство, вписав его в логику иного образа жизни.

Литература

1. Бреславский А.С. Незапланированные пригороды: сельско-городская миграция и рост Улан-Удэ в постсоветский период / науч. ред. М.Н. Балдано. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2014. 192 с.
2. Что мы знаем о современных российских пригородах? Сборник научных статей по итогам Всероссийского научно-практического семинара. Ответственный редактор А.С. Бреславский. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2017.
3. Республики на востоке России: траектории экономического, демографического и территориального развития. Сборник научных статей по итогам Всероссийского научно-практического семинара. Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2018.
4. "Пригородная революция" в региональном срезе: периферийные городские территории на постсоветском пространстве // Сборник тезисов докладов международной научной конференции. В 2-х частях. Ответственный редактор А.С. Бреславский. 2019. С. 22–26.
5. Вахштайн В.С. Пересборка города: между языком и пространством // Социология власти. 2014. № 2. С. 9–38.
6. Вишневский А.Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998, 432 с.
7. Глазычев В.Л. Слободизация страны Гардарики // Иное. Хрестоматия нового российского самосознания. М.: Аргус, 1995. С. 63–68.
8. Голубчиков О.Ю., Махрова А.Г., Фелпс Н.А. Применение концепции "окраинного города" для анализа современных процессов урбанизации в РФ (на примере г. Химки) // Вестник Московского Университета. Серия 5. География. №. 3. 2010. С. 48–54.
9. Григоричев К.В. В тени большого города. Социальное пространство пригорода. Иркутск: Отгиск, 2013. 238 с.
10. Григоричев К.В. Воображенное сообщество: конструирование локальности в неинституционализированном пространстве пригорода // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2015. № 1. С. 46–56.
11. Григоричев К.В. Субурбанизация на востоке России: региональная мозаика глобального тренда // Республики на востоке России: траектории экономического, демографического и территориального развития сборник научных статей по итогам Всероссийского научно-практического семинара. Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2018. С. 175–189.
12. Давыдов В.Н., Карбаинов Н.И., Симонова В.В., Целищева В.Г. Агинская street, танец с огнём и алюминиевые стрелы: присвоение культурных ландшафтов. Хабаровск, 2006.

13. Казакова А.Ю. Пригородный образ жизни в современной российской провинции. Социальная база, проблемы и перспективы развития. Саратов: Вузовское образование, 2017. 259 с.
14. Казакова А.Ю. Территориальная стигма: содержание и знак оценки // Социальные и гуманитарные знания. 2017. Т. 3. № 4(12). С. 357–368.
15. Казакова А.Ю. Жилищная депривация и территориальная стигма как атрибуты маргинальности. Дисс. на соиск. уч. степ. доктора соц. наук. Ставрополь, 2020.
16. Карбаинов Н.И. Фавелы, геджеконду, "нахаловки": сквоттерские поселения в городах развивающихся и постсоветских стран // Мир России: Социология, этнология. 2018. Т. 27. № 1. С. 135–158.
17. Куренной В. Сила слабых связей. Горожанин и право на одиночество // Горожанин: что мы знаем о жители большого города? М.: Strelka Press, 2017. С. 14–29.
18. Махрова А.Г. Сезонная субурбанизация в регионах России / А.Г. Махрова // Вестник Московского Университета. Серия 5. География. 2015. №. 4. С. 59–67.
19. Меерович, М.Г. Соцгород. Градостроительная политика в СССР. 1926 - первая половина 1930 гг. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014.
20. Мкртчян Н.В. Пристоличные территории России: динамика населения и миграционный баланс // Что мы знаем о современных российских пригородах? Сборник научных статей по итогам Всероссийского научно-практического семинара. Ответственный редактор А.С. Бреславский. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2017. С. 26–36.
21. Нефедова Т.Г. Десять актуальных вопросов о сельской России: Ответы географа. М.: ЛЕНАНД, 2013.
22. Ольденбург Р. Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места "тусовок" как фундамент сообщества. М.: Новое литературное обозрение, 2014.
23. Раевский М. Жилищный вопрос на объединенных машиностроительных заводах // Экономическая жизнь. 1918 г. № 42 (26 декабря). С. 1. Цит. по: Меерович М.Г. Советский город-сад и ведомственный рабочий поселок. Градостроительная политика в СССР. 1917–1929 гг. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. С. 152.
24. Тимошкин Д.О., Григоричев К.В. "Не-место" вне времени: неопределенность как специфика существования локальностей постсоветского города (на примере Иркутска) // Антропологический форум. 2018. № 39. С. 118–140.
25. Хамфри К. Постсоветские трансформации в азиатской части России (антропологические очерки). М.: Наталис, 2010. 384 с.
26. Частный сектор в жилом фонде городов-миллионников. 16.05.2019. URL: <http://smartloc.ru/list/blog/articles/igs/> (дата обращения: 27.01.2021).
27. Fischer, C. The subcultural theory of urbanism: a twentieth-year assessment // American Journal of Sociology. 1995. 101(3), P. 543–577.
28. Gasier-Niemiec A., Glasze G., Pütz R. A Glimpse over the Rising Walls: The Reflection of Post-Communist Transformation in the Polish Discourse of Gated Communities. // East European Politics & Societies. 2003. Vol. 23. N. 2. P. 244–265.
29. Hanlon B. Once the American Dream: Inner-Ring Suburbs of the Metropolitan United States- Temple Univ Press, Broad & Oxford St, Philadelphia, PA, 2010.
30. Hirt S. Iron Curtains: Gates, Suburbs and Privatization of Space in the Post-socialist City – Oxford: Willey-Blackwell, 2012. 252 p.
31. Holston J. The Modernist City: An Anthropological Critique of Brasilia, Chicago: University of Chicago Press, 1989.
32. Lefebvre H. The Production of Space. Oxford: Wiley-Blackwell. 1991. 464 p.
33. Low, S.M. Behind the Gates: Life, Security and the Pursuit of Happiness in Fortress America. Routledge: New York and London, 2003. 275 p.
34. Nathan M., Unsworth R. Beyond city living: remaking the inner suburbs // Built Environment. 32:3, Summer 2006. P. 235–249.
35. Stanilov K., Sykora L. (eds.) Confronting Suburbanization: Urban Decentralization in Post-socialist Central and Eastern Europe – Oxford: Willey-Blackwell, 2014. 360 p.
36. Walks A. Suburbanism as a Way of Life, Slight Return // Urban Studies. 2013. Vol. 50(8). P. 1471–1488.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Breslavskij A.S. Nezaplanirovannyye prigorody: sel'sko-gorodskaya migratsiya i rost Ulan-Udeh v postsovetskij period / nauch. red. M.N. Baldano. Ulan-Udeh: Izd-vo BNTS SO RAN, 2014. 192 s.
2. CHto my znaem o sovremennykh rossijskikh prigorodakh? Sbornik nauchnykh statej po itogam Vserossijskogo nauchno-prakticheskogo seminar. Ответственный редактор А.С. Бреславский. Улан-Удэ: Изд-во BNTS SO RAN, 2017.
3. Respubliki na vostoке Rossii: traektorii ehkonomicheskogo, demograficheskogo i territorial'nogo razvitiya. Sbornik nauchnykh statej po itogam Vserossijskogo nauch-

no-prakticheskogo seminar. Institut mongolovedeniya, buddologii i tibetologii Sibirskogo otdeleniya RAN. Ulan-Udeh: Izd-vo BNTS SO RAN, 2018.

4. "Prigorodnaya revolyutsiya" v regional'nom srezhe: periferijnye gorodskie territorii na postsovetskom prostranstve // Sbornik tezisev dokladov mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii. V 2-kh chastyakh. Otvetstvennyj redaktor A.S. Breslavskij. 2019. S. 22–26.

5. Vakhshajin V.S. Peresborka goroda: mezhdru yazykom i prostranstvom // Sotsiologiya vlasti. 2014. № 2. S. 9–38.

6. Vishnevskij A.G. Serp i rubl'. Konservativnaya modernizatsiya v SSSR. M.: OGI, 1998, 432 s.

7. Glazychev V.L. Slobodizatsiya strany Gardariki // Inoe. KHrestomatiya novogo rossijskogo samosoznaniya. M.: Argus, 1995. S. 63–68.

8. Golubchikov O.YU., Makhrova A.G., Felps N.A. Primenenie kontseptsii "okrainnogo goroda" dlya analiza sovremennykh protsessov urbanizatsii v RF (na primere g. KHimki) // Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 5. Geografiya. №. 3. 2010. S. 48–54.

9. Grigorichev K.V. V teni bol'shogo goroda. Sotsial'noe prostranstvo prigoroda. Irkutsk: Ottisk, 2013. 238 s.

10. Grigorichev K.V. Voobrazhennoe soobshhestvo: konstruirovaniye lokal'nosti v neinstitulizirovannom prostranstve prigoroda // Labirint. ZHurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniy. 2015. № 1. S. 46–56.

11. Grigorichev K.V. Suburbanizatsiya na vostokey Rossii: regional'naya mozaika global'nogo trenda // Respubliki na vostokey Rossii: traektorii ehkonomicheskogo, demograficheskogo i territorial'nogo razvitiya sbornik nauchnykh statej po itogam Vserossijskogo nauchno-prakticheskogo seminar. Institut mongolovedeniya, buddologii i tibetologii Sibirskogo otdeleniya RAN. Ulan-Udeh: Izd-vo BNTS SO RAN, 2018. S. 175–189.

12. Davydov V.N., Karbainov N.I., Simonova V.V., Tselishheva V.G. Aginskaya street, tanets s ognym i alyuminievye strely: prisvoenie kul'turnykh landshaftov. Khabarovsk, 2006.

13. Kazakova A.YU. Prigorodnyj obraz zhizni v sovremennoj rossijskoj provintsii. Sotsial'naya baza, problemy i perspektivy razvitiya. Saratov: Vuzovskoe obrazovanie, 2017. 259 s.

14. Kazakova A.YU. Territorial'naya stigma: sodержanie i znak otsenki // Sotsial'nye i humanitarnye znaniya. 2017. T. 3. № 4(12). S. 357–368.

15. Kazakova A.YU. ZHilishhnaya deprivatsiya i territorial'naya stigma kak atributy marginal'nosti. Diss. na soisk. uch. step. doktora sots. nauk. Stavropol', 2020.

16. Karbainov N.I. Favely, gedzhekundu, "nakhalovki": skvotterskie poseleniya v gorodakh razvivayushhikhsya i postsovetskiikh stran // Mir Rossii: Sotsiologiya, ehnologiya. 2018. T. 27. № 1. S. 135–158.

17. Kurennoj V. Sila slabykh svyazey. Gorozhanin i pravo na odinochestvo // Gorozhanin: chto my znaem o zhiteli bol'shogo goroda? M.: Strelka Press, 2017. C. 14–29.

18. Makhrova A.G. Sezonnaya suburbanizatsiya v regionakh Rossii / A.G. Makhrova // Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 5. Geografiya. 2015. №. 4. S. 59–67.

19. Meerovich, M.G. Sotsgorod. Gradostroitel'naya politika v SSSR. 1926 - pervaya polovina 1930 gg. Irkutsk: Izd-vo IGU, 2014.

20. Mkrtychyan N.V. Pristolichnyy territorii Rossii: dinamika naseleniya i migratsionnyj balans // CHto my znaem o sovremennykh rossijskiikh prigorodakh? Sbornik nauchnykh statej po itogam Vserossijskogo nauchno-prakticheskogo seminar. Otvetstvennyj redaktor A.S. Breslavskij. Ulan-Udeh: Izd-vo BNTS SO RAN, 2017. S. 26–36.

21. Nefedova T.G. Desyat' aktual'nykh voprosov o sel'skoj Rossii: Otvety geografa. M.: LENAND, 2013.

22. Ol'denburg R. Tret'e mesto: kafe, kofejni, knizhnye magaziny, bary, salony krasoty i drugie mesta "tusovok" kak fundament soobshhestva. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014.

23. Raevskij M. ZHilishhnij vopros na ob'edinennykh mashinostroitel'nykh zavodakh // EHkonomicheskaya zhizn'. 1918 g. № 42 (26 dekabrya). S. 1. TSit. po: Meerovich M.G. Sovetskij gorod-sad i vedomstvennyj rabochij poselok. Gradostroitel'naya politika v SSSR. 1917–1929 gg. Irkutsk: Izd-vo IGU, 2014. S. 152.

24. Timoshkin D.O., Grigorichev K.V. "Ne-mesto" vne vremeni: neopredelennost' kak spetsifika sushhestvovaniya lokal'nostey postsovetskogo goroda (na primere Irkutskaya) // Antropologicheskij forum. 2018. № 39. S. 118–140.

25. Khamfri K. Postsovetskie transformatsii v aziatskoj chasti Rossii (antropologicheskie ocherki). M.: Natalis, 2010. 384 s.

26. CHastnyj sektor v zhilom fonde gorodov-millionnikov. 16.05.2019. URL: <http://smartloc.ru/list/blog/articles/igs/> (data obrashheniya: 27.01.2021).

27. Fischer, C. The subcultural theory of urbanism: a twentieth-year assessment // American Journal of Sociology. 1995. 101(3), P. 543–577.

28. Gasior-Niemiec A., Glasze G., Pütz R. A Glimpse over the Rising Walls: The Reflection of Post-Communist Transformation in the Polish Discourse of Gated Communities. // East European Politics & Societies. 2003. Vol. 23. N. 2. P. 244–265.

29. Hanlon B. *Once the American Dream: Inner-Ring Suburbs of the Metropolitan United States*. Temple Univ Press, Broad & Oxford St, Philadelphia, PA, 2010.
30. Hirt S. *Iron Curtains: Gates, Suburbs and Privatization of Space in the Post-socialist City* – Oxford: Willey-Blackwell, 2012. 252 p.
31. Holston J. *The Modernist City: An Anthropological Critique of Brasilia*, Chicago: University of Chicago Press, 1989.
32. Lefebvre H. *The Production of Space*. Oxford: Wiley-Blackwell. 1991. 464 p.
33. Low, S.M. *Behind the Gates: Life, Security and the Pursuit of Happiness in Fortress America*. Routledge: New York and London, 2003. 275 p.
34. Nathan M., Unsworth R. *Beyond city living: remaking the inner suburbs // Built Environment*. 32:3, Summer 2006. P. 235–249.
35. Stanilov K., Sykora L. (eds.) *Confronting Suburbanization: Urban Decentralization in Post-socialist Central and Eastern Europe* – Oxford: Willey-Blackwell, 2014. 360 p.
36. Walks A. *Suburbanism as a Way of Life, Slight Return // Urban Studies*. 2013. Vol. 50(8). P. 1471–1488.

Григоричев К. В. Двойник-невидимка российского города: "частный сектор" между слободой и внутренним пригородом.

В статье ставится проблема трансформации "частного сектора", занимающего значительную часть российского провинциального города и являющегося своего рода двойником-невидимкой советского и современного российского города. Показывается, что этот сегмент остается практически полностью вне фокуса исследований российского города. Рассматривается эволюция образа жизни в "частном секторе" на протяжении середины 1990-х до середины 2010-х гг. На основе сопоставления выявленных изменений с ключевыми характеристиками урбанизма и субурбанизма формулируется гипотеза о трансформации "частного сектора" в сторону внутреннего пригорода, как одной из форм субурбанизации в России.

Ключевые слова: *постсоветский город, "частный сектор", субурбанизация, внутренний пригород*

Grigoriev K. V. The invisible twin of the Russian city: the "private housing sector" between the sloboda and the inner suburb.

The article raises the problem of transformation of the "private housing sector", which occupies a significant part of the Russian provincial city and is a kind of invisible twin of the Soviet and modern Russian city. It is shown that this segment of Russian city remains almost completely out of the researchers' focus. The evolution of the lifestyle in the "private housing sector" during the mid-1990s to the mid-2010s is considered. Based on a comparison of the identified changes with the key characteristics of urbanism and suburbanism, a hypothesis on the transformation of the "private sector" towards the inner suburbs, as one of the forms of suburbanization in Russia is formulated.

Key words: *post-soviet city, "privet housing sector", suburbanization, inner suburb*

Для цитирования: Григоричев К. В. Двойник-невидимка российского города: "частный сектор" между слободой и внутренним пригородом // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021. № 1. С. 7–18. DOI: 10.24866/1998-6785/2021-1/7-18

For citation: Grigoriev K. V. The invisible twin of the Russian city: the "private housing sector" between the sloboda and the inner suburb // Ojkumena. Regional researches. 2021. № 1. P. 7–18. DOI: 10.24866/1998-6785/2021-1/7-18

